

**КРИТЕРИЙ ИЗВЛЕЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ВЫГОДЫ
КАК НЕОБОСНОВАННОЕ УСЛОВИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ
КАК СОВЕРШЁННОГО ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ
ИЛИ ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ**

**The criterion of obtaining material benefits as an unreasonable condition for qualifying
an act as committed by a criminal community or a criminal organization**

В. А. Логинова, студент

Саратовская государственная юридическая академия
(Саратов, ул. Вольская, 1)

Аннотация

В статье исследуется правовая природа критерия извлечения материальной выгоды при квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом (организацией), в рамках статьи 35 УК РФ. Автор подвергает сомнению универсальность этого признака, указывает на противоречия между нормами Общей и Особенной частей УК РФ, а также предлагает альтернативные подходы, учитывающие нематериальную мотивацию преступных объединений.

Ключевые слова: групповое преступление, преступная организация, материальная выгода, статья 35 УК РФ, квалификация, правоприменение.

Summary

The article examines the legal nature of the criterion of deriving material benefit in the qualification of crimes committed by a criminal community (organization) under Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author questions the universality of this criterion, points out contradictions between the General and Special Parts of the Criminal Code, and proposes alternative approaches that consider non-material motivation of criminal associations.

Keywords: group crime, criminal organization, material benefit, Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification, law enforcement.

Уголовное законодательство России, как и многих других государств, уделяет особое внимание борьбе с преступностью, совершаемой в организованных формах. Установление объективных и универсальных критериев для квалификации деяний, совершённых группой лиц, организованной группой или преступным сообществом, имеет важнейшее значение как для эффективного правоприменения, так и для обеспечения принципа законности в уголовном процессе [6]. В этом контексте заслуживает внимания один из критериев – извлечение материальной выгоды.

Перед более подробным рассмотрением целесообразности этого критерия через призму статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, необходимо обратиться к международным правовым актам.

Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года в статье 2 закрепляет термины, необходимые для единообразного понимания положений этой конвенции [2]. Согласно данной статье «организованная преступная группа означает струк-

турно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду».

Следовательно, критерий извлечения материальной выгоды закрепляется в вышеупомянутом документе, что было сделано для унификации международного опыта и единообразного понимания терминологии во всех странах. Однако не в каждой стране данный критерий нашел отражение в кодексах, предусматривающих ответственность за преступления.

Обращаясь к зарубежному опыту, наиболее часто организованная преступность встречается в Италии, что обуславливается исторической наследственностью в социальном строе и иерархии общества.

Организованная преступность в Италии исторически ассоциируется с деятельностью мафиозных структур, таких как, например, Cosa Nostra. Несмотря на снижение уровня открытого насилия, мафия остаётся устойчивой формой организованной преступности, глубоко интегрированной в социально-экономическую сферу жизни общества. В соответствии со статьёй 416-bis Уголовного кодекса Италии, мафиозная организация определяется как структурированная группа лиц, которая использует силу устрашения, вытекающую из связей внутри сообщества, и культ молчания (омерта) с целью получения контроля над экономической деятельностью, извлечения прибыли и влияния на политические или административные процессы [3, с. 152].

Статистические данные последних лет указывают на значительное изменение форм деятельности мафии. Так, если в 1991 году на её счету насчитывалось более 700 убийств, то в 2022 году количество убийств, напрямую связанных с мафиозной деятельностью, сократилось до 17 [5]. Это свидетельствует не о снижении влияния организованной преступности, а о её трансформации: от традиционного насилия к высокоуровневым экономическим преступлениям, таким как отмывание денег, налоговые махинации, манипуляции с государственными контрактами и проникновение в легальные секторы экономики — в том числе здравоохранение, строительство и туризм [1].

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что критерий извлечения материальной выгоды не является обязательным в Италии именно по причине его не обобщенности. Клань мафии борются не столько за извлечение материальной выгоды, сколько за господство и занятие высокого положения в иерархии общества. Отсутствие данного критерия позволяет большее количество преступлений квалифицировать как совершенные в группе, что будет усиливать наказание.

В российском уголовном праве одним из обязательных признаков преступной организации и преступного сообщества является цель извлечения материальной выгоды. Однако наличие этого признака в качестве обязательного порождает ряд правоприменительных проблем.

Во-первых, избыточное сужение круга преступлений, подпадающих под квалификацию как организованная преступность. Включение критерия извлечения материальной выгоды приводит к исключению из сферы организованной преступности, например, политически мотивированных общественно опасных деяний (например, экстремистская или террористическая деятельность без цели личного обогащения) или насильственные преступления, совершаемые группами с идеологическими, этническими или социальными мотивами (например, преступления так называемых уличных банд или неформальных радикальных объединений) [4].

Во-вторых, стремление к материальной выгоде является субъективным признаком, то есть относится к внутренней мотивации участников. Это затрудняет доказывание в суде, особенно

если преступление еще не принесло доход или прибыль делилась неявным способом. Обвинение должно доказать, так как это бремя лежит именно на нем, что деяние совершалось именно ради извлечения выгоды, а не, например, из мести или желания занять доминирующее положение. В итоге при отсутствии прямых доказательств корыстного мотива суд может отказаться от совокупности квалификации по статьям об организованной преступности, что ограничивает применение повышенных санкций и мер пресечения.

В-третьих, Уголовный кодекс РФ не содержит чёткого определения понятия «материальная выгода». В правоприменительной практике оно трактуется широко: это может быть как прямое получение денег, так и косвенное сбережение средств, доступ к ресурсам и т.д. Такая расплывчатость создает правовую неопределенность.

Указанные обстоятельства позволяют утверждать, что для повышения гибкости и эффективности уголовного законодательства целесообразно рассмотреть возможность отказа от этого признака как универсального, или признание его одним из возможных, но не обязательным.

В качестве альтернативы для вышеупомянутого обязательного признака для квалификации деяния, как совершенного организованной группой, представляется целесообразным введение такого критерия, как воздействие на государственную политику и влияние на жизнедеятельность общества. Необходимо отметить, что современная преступная деятельность нередко выходит за рамки исключительно корыстной мотивации. На практике устойчивые преступные группы и сообщества могут действовать не столько ради получения прибыли, сколько для укрепления власти, влияния, контроля над общественными процессами и принятия управленческих решений. Аналогичным образом сформулированы нормы, например, в статье 416-bis Уголовного кодекса Италии, где преступное сообщество (в том числе мафиозного типа) определяется через способность влиять на органы государственной власти и подрывать демократические институты.

Введение подобного критерия в российское уголовное законодательство позволило бы адекватно охватывать действия структур, направленных на захват власти, коррупционное проникновение в государственный аппарат, подрыв территориальной целостности и конституционного строя. Особенно это важно в условиях усиления политической радикализации и попыток внешнего вмешательства в государственный суверенитет.

На основании проведённого анализа можно заключить, что обязательное использование критерия извлечения материальной выгоды при квалификации преступлений, совершённых организованной группой, ограничивает возможности эффективного противодействия современным формам организованной преступности в российском уголовном праве. Этот признак охватывает лишь часть общественно опасных деяний и исключает из сферы усиленной уголовной ответственности действия, совершаемые с нематериальной мотивацией. В связи с этим представляется целесообразным признать данный критерий факультативным и дополнить перечень возможной мотивации вторым вариантом. Наряду с корыстным предлагается использовать более содержательный и отвечающий реалиям подход — ориентироваться на цель воздействия на государственную политику, контроль над институтами власти и общественными процессами. Дополнение пункта статьи этим признаком позволит охватывать широкий круг организованной преступной деятельности и повысить эффективность правоприменения. В связи с вышесказанным предлагается следующая редакция пункта 5 статьи 35 УК РФ «...члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, либо с целью воздействия на государственную политику».

Библиографический список

1. Ямалетдинова Н. В. Преступность в Италии: особенности, формы проявления // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-italii-osobennosti-formy-proyavleniya> (дата обращения: 02.05.2025).
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности" (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000).
3. Codice Penale (approvato con Regio Decreto n. 1398 del 19 ottobre 1930, come modificato dal Decreto Legislativo 11 maggio 2018 n. 63).
4. Мондохонов А. Н. Организация преступного сообщества (преступной организации): новая редакция ст. 210 и 35 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-prestupnogo-soobschestva-prestupnoy-organizatsii-novaya-redaktsiya-st-210-i-35-uk-rf> (дата обращения: 02.05.2025).
5. Italy's white-collar mafia is making a business killing // Reuters. 2024. 6 мая. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/italys-white-collar-mafia-is-making-business-killing-2024-05-06> (дата обращения: 02.05.2025).
6. Бочкарева Е. В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizovannaya-prestupnost-kak-forma-samodeterminatsii-prestupnosti> (дата обращения: 02.05.2025).